

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-2-71-80

УДК 82

ОБРАЗ ДОМА В ТРИЛОГИИ В. АКСЕНОВА «МОСКОВСКАЯ САГА»¹

Т.А. Загидулина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Отказ от социалистической идеологии в переломные для России 90-е гг. XX в. способствовал ценностной переориентации общества, что нашло отражение в творчестве авторов указанного периода. Поворот в сторону дореволюционной литературной традиции, поиск там аксиологических констант, наметившиеся ранее в советской литературе, повлекли за собой актуализацию традиционных образов, в частности образа дома, напрямую связанного с мотивами преемственности, сохранения исторической памяти, семьи.

Целью статьи является анализ репрезентации образа дома в рефлексивном романе В. Аксенова «Московская сага».

Обзор научной литературы по проблеме. Осмыслению образа дома, дворянской усадьбы, крестьянского жилища посвящены работы Н.В. Ковтун, О.А. Богдановой, В.Г. Андреевой, М.В. Скороходовой, Е.Е. Дмитриевой. В исследованиях рассмотрены типологические особенности различных топосов, объединенных общей функцией.

Методология. Используются структурно-типологический метод, метод описательной поэтики, мифопоэтический анализ.

Результаты исследования. В статье проанализирован центральный локус трилогии – дача семьи Градовых в Серебряном бору, в ходе анализа выявлено типологическое сходство с топосом дворянской усадьбы, что подчеркивает жанровое своеобразие романа – семейной хроники. Однако пространства дачи и дворянской усадьбы не эквивалентны, имея различное назначение, они обладают общей особенностью – только там возможны преемственность, продолжение рода, семейного дела, традиции. Кроме того, в романе образу дома-дачи противопоставлены образы квартиры/комнаты, маркированные как временные, нестабильные, где нет будущего.

Выводы. В образе дачи Градовых реализуются идеи стабильности, преемственности, сохранения исторической памяти, продолжения рода. Сохранение семьи, уклада возможно, по В. Аксенову, только в родовом гнезде, само существование которого противоречит советской идеологии. Так, дача становится стержневыми образом семейной хроники и подчеркивает рефлексивный характер романа, становится символом новой, отличной от соцреалистической системы нравственных координат.

Ключевые слова: образ дома, топос дворянской усадьбы, образ дачи, семейная хроника, В. Аксенов, постсоветская литература.

Постановка проблемы. Девяностые годы XX в. стали переломными для России: распад СССР, экономические и политические потрясения, следовавшие за ним, смена вектора развития государства – повлекли за собой

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408; <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

актуализацию процесса критической рефлексии, осмысления советского прошлого, попытки оценки опыта существования народа в рамках построения социализма, а также поиск ценностных констант, того, что могло бы способствовать преемственности, уберечь человека от утраты исторической памяти. Одной из таких констант является образ дома, сопряженный с мотивами семьи, рода, традиции.

Обзор научной литературы по проблеме. Топосу жилища (дома, дворянской усадьбы, дачи) посвящено немало исследований, среди которых знаковыми являются работы Н.В. Ковтун [Ковтун, 2007; 2012; 2019], В.Г. Андреевой [Андреева, 2023], серия книг «Русская усадьба в мировом контексте», представляющая собой комплексное исследование «усадебного» текста русской литературы, куда входят аналитические изыскания О.А. Богдановой [Богданова, 2019], М.В. Скороходова [Скороходова, 2020], Е.Е. Дмитриевой [Дмитриева, 2020] и др.

Н.В. Ковтун отмечает, что дом, усадьба – «стержневой образ русской национальной культуры», кроме того, дом «не определяется частным существованием, напротив, парадигма семьи (отец, мать, дети) восходит к парадигме сакральной: Дом Небесный, Отец Небесный – и соотносится с ней» [Ковтун, 2013, с. 18]. Семья и дом – неразрывно связанные сущности. Для авторов советского проекта, однако, характерна интенция к переформатированию традиционных понятий, перестраиванию культуры вокруг другой – большой семьи, не связанной кровными, но соединенной идеологическими узами [Кларк, 1992]. Вопросы статуса семьи как таковой актуализируются в романной трилогии В. Аксенова «Московская сага», созданной в 1991–1992 гг. и впервые опубликованной в 1993–1994 гг. В произведении рассказана история Градовых, на судьбу трех поколений которых пришлось революция, Гражданская война, репрессии, Великая Отечественная война, смерть Сталина. Сюжет охватывает тридцать лет – 20–50-е гг. XX в.

В жанровом отношении произведение представляет собой семейную сагу или семейную хронику, отличительной особенностью которой является «движение (смена) поколений в контексте эпох» [Никольский, 2011]. Указанный жанр отличает особый историзм: «крупные события, а порою и реальные исторические деятели, присутствующие в романе, как правило, не интересуют автора сами по себе, но они находят отражение как имеющие значение для данной семьи» [Никольский, 2011]. Трилогия написана на рубеже веков, что позволяет говорить о рефлексивном характере текста: автор совершает попытку осмысления отечественной истории через призму хроники одной семьи. Е.В. Никольский выделяет следующие жанровые признаки семейной саги: линейную хроникальность, семейную проблематику и специфику историзма, все они находят отражение в исследуемом произведении.

Н. Лейдерман и М. Липовецкий отмечают, что попытка «создать линейную и однозначную (а точнее, предзаданную, черно-белую) модель исторического процесса, предпринятая Аксеновым <...>, привела к разрушению органического стиля и внезапно отбросила писателя, всю жизнь сражавшегося с наследием тоталитарной идеологии и психологии, назад в лоно соцреалистического “панорамного романа”».

Последний парадокс весьма характерен для гротеска 1970–1990-х гг. <...> гротеск предстает формой диалога с этим (соцреалистическим) дискурсом и даже, больше того, внутренне нацелен на освобождение и обновление утопизма» [Лейдерман, Липовецкий, 2003, с. 161]. Действительно, соцреалистические конструкты в трилогии не подвергаются разрушению, напротив, писатель берет их за основу, однако идеологические акценты расставляет по-своему, в этом смысле роман представляет собой образец построения текста при помощи соцреалистических кодов, но вне социалистической идеологии, что позволяет говорить о деконструкции дискурса, с одной стороны, и «обновлении утопизма» – с другой. В данной работе мы рассмотрим один из основополагающих топосов русской художественной литературы – топос дома.

Результаты исследования. Образы жилищ встраиваются в систему локусов романа, созданную в координатах, актуализировавшихся еще в советской прозе. В исторической перспективе показана Москва – основное место действия романа и один из любимых топосов Аксенова. Город не случайно фигурирует в тексте как отдельный персонаж: столица СССР находилась в центре ментальной карты советского человека. Однако не только Москва представлена в романах: Колыма, Беларусь, Европа, Америка – все эти места логично вписываются в уже сформированную в соцреалистической литературе ментальную географию. Город населен как вымышленными персонажами, так и реальными историческими деятелями (Сталин, Фрунзе, Берия и др.), что соответствует принципу историзма. Но если в литературе соцреалистического канона пространство центрировалось вокруг Москвы, то в тексте Аксенова, явно дискутирующем с каноном, ключевым топосом становится дача Градовых в Серебряном бору, отсылая к образу дворянской усадьбы. Стоит, однако, отметить, что «в русской литературе XX–XXI вв. именно дача, в силу культурно-исторических обстоятельств потеснившая усадьбу и принявшая на себя ряд ее функций, становится одной из важнейших форм репрезентации художественного пространства» [Богданова, 2022, с. 11]. Благодаря широкому временному и пространственному охвату повествования, у нас есть возможность проанализировать образ дома-дачи и его соотношение с традиционным топосом дворянской усадьбы с тем допущением, что дача в Серебряном бору была родовым гнездом не дворян, а представителей, скорее, разночинского сословия, если использовать дореволюционную терминологию. Старший Борис Градов – потомственный врач, однако по его стопам идет лишь внук, судьба детей определяется эпохой: один из них военный, второй – партийный деятель, третья – поэтесса. Подобное прерывание и возобновление традиции знаково – советский период критически осмысливается Аксеновым и его современниками, пытающимися реконструировать неомиф дворянской усадьбы: «Эту традицию русская постмодерность пыталась не только деконструировать, но и встроить в свою парадигму. Более того, она нередко воспринимала себя прямым продолжением Серебряного века, мгновенным переходом из 1919-го в 1991-й через голову советской эпохи. <...> Новая эпоха принимает культурную эстафету начала XX в., 1910-е гг. смыкаются с 1990-ми,

насильственно прерванная традиция продолжает развиваться с того места, на котором была остановлена» [Богданова, 2019, с. 215]. Дача Градовых, однако, не вписывается в «дачный текст» рубежа XIX–XX вв., О. Богданова выделяет конститутивные различия дачного и усадебного топосов, среди которых отсутствие хозяйственной функции у дачи, сезонность дачного проживания, демократичность, внесословность дачи, ориентация на праздность, досуг, заметная разница между социокультурными типами дачника и помещика, в том смысле, что усадьба подразумевает «идеал поместной жизни – дом как большая патриархальная семья, объединяющая кровных родственников и домочадцев (дворовых, слуг, приживальщиков), преемственность поколений, укорененность в историческом прошлом и нацеленность на возделывание наследственной земли», дачный образ жизни, напротив, подразумевает индивидуальный отдых [Богданова, 2022, с. 16]. В Серебряном бору семья профессора живет постоянно, дача становится местом, где объединяется большая семья, однако по мере взросления дети отделяются, обретают собственные жилища, сохраняя тем не менее тесную связь с домом. Не определяется дом в Серебряном бору и советским дачным топосом, который по большому счету актуализируется лишь в середине XX в., когда государство начинает массово наделять граждан участками, организуя загородный отдых населения (дом построен незадолго до революции).

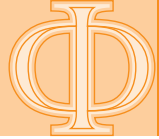
Таким образом, в трилогии «Московская сага» представлен образ жилища, который сохраняет в себе некоторые черты дворянской усадьбы, но не наследует ей полностью. Образ дачи в Серебряном бору сопряжен с мотивами семьи, рода, мастерства, передаваемого по наследству. Отказ от родового занятия хронологически совпадает с коренными и оцениваемыми автором негативно государственными преобразованиями, возвращение к истокам (обучение младшего Бориса в медицинском институте) сопряжено с уходом сталинской эпохи. Второе поколение Градовых оказывается исторически лишним, несмотря на парадоксальную встроенность каждого из представителей в конкретную эпоху 20–50-х гг. XX в. Ни один из них не остается прикрепленным к родовому гнезду: Никита погибает в конце войны, Кирилл остается на Дальнем Востоке, а Нина бывает на даче лишь гостьей, проживая в современной квартире-студии, которая не имеет потенциала стать родовым гнездом.

Дача объединяет весь клан вне зависимости от времени – дом является той константой, вокруг которой может быть восстановлена нормальная жизнь. Нормальная, по Аксенову, это похожая на ту, что была до революции, не носящая характерных черт советской этики и эстетики. Эта стабильность подчеркивается массой художественных деталей, например образами нестареющей шубы профессора Градова: «Явилась сержантская челядь с личными вещами, в частности, с великолепной, 1913 года, из английского магазина на Кузнецком мосту, шубой, которая, просуществовав сорок лет, не проявляла никаких признаков распада» [Аксенов, 1999], щенка, поразительно похожего на пса Пифагора, прожившего жизнь на даче, постоянными упоминаниями Агашиных пирожков.

Эта же стабильность подчеркивает «отдельное», «островное» положение дачи, в некотором смысле ее уникальность, контрастирующую с судьбами расположенных рядом домов: «– Видишь эту дачу, Ле? Помнишь такого Волкова, из Наркомтяжпрома? Неделю назад его взяли, а дачу поставили под сургуч, предполагается конфискация. А вот эта, <...> здесь жили Ярченко, его ты определенно помнишь, крупный работник Наркомфина <...>. После того как его взяли, семью выбросили в тот же день, дачу заколотили. Вот там <...> та же история: крупный партиец Трифионов...» [Аксенов, 1999]. Стабильность дачи Градовых обусловлена родом деятельности ее владельца – врача, в отличие от представителей разнообразных Нарком-, он не утрачивает право быть внутри традиции, передавать свое мастерство, которое в авторской интерпретации вневременно, а вневременность священного знания сопрягается с прикрепленностью к месту, служение людям противопоставляется служению государству.

Дача в Серебряном бору контрастирует с городскими жилищами молодых Градовых: «они получили однокомнатную квартиру <...>. Дом <...> был похож скорее на отель <...>. Все дело в том, что он нацелен был на холостяков...» [Аксенов, 1999]; «Там, в бывших номерах, селились по ордерам партийцы средней руки. <...> По ночам в тридцать седьмом году ковровые купеческие дорожки <...> все-таки приглушали шаги “соответствующих органов”. <...> “Илюша! Илюша!” Ответа не было. На подоконнике она увидела след резиновой подошвы. <...> Илюша, раскидав руки и ноги, недвижно лежал на тротуаре» [Аксенов, 1999]. Образы городских квартир сопряжены с суицидальными мотивами, сюжетом арестов, ощущением постоянного страха, становящегося фоном существования, жители таких квартир постоянно находятся в ожидании конца, так, квартира превращается порой в последнее пристанище. Кроме того, она нестабильна, не может быть передана по наследству, стать постоянным жилищем: пребывание человека на той или иной жилплощади регулирует государство, воплощая принцип паноптизма, описанный М. Фуко [Фуко, 1999]. Ни о какой отдельности и уникальности речи быть не может, это не свое место, прикрепленность к нему невозможна. Упоминание И. Бунина, который «почти прикован к постели и живет в своей парижской квартире полузабытый, несмотря на полученную в 1933 году Нобелевскую премию» [Аксенов, 1999], подчеркивает связь художественного пространства романа В. Аксенова с русской литературной традицией и конкретно «усадебным» текстом, функционирующим в прозе И. Бунина, и актуализирует оппозицию «город – деревня», в частности ее аспекты «дом – квартира», «усадебная – квартира», «дача – квартира», где квартира – пространство, не оставляющее возможности преемственности, сохранения памяти.

Статус самого человека в квартире ничтожен: «Ничего более унижительного, чем последние дни в Хабаровске, не случилось в ее жизни. Буквально на следующий день после катастрофы явились из хозуправления и приказали в кратчайший срок очистить квартиру» [Аксенов, 1999], советская фразеология с ее канцелярскими метафорами ставит знак равенства между человеком и грязью, мусором.

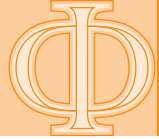
Отдельно стоит отметить линию Кирилла, среднего ребенка в семье Градовых, идейного марксиста, преданного партийного деятеля. Кирилл, чуть менее остальных потомков любимый родителями, создает свою семью, состав которой вполне соответствует веяниям времени – «марксист с марксистской женой, их сын, рожденный в восьмилетнем возрасте Митя» [Аксенов, 1999]. К сюжетной линии второго сына Градовых вполне применим тезис о революции, пожирающей своих детей, приписываемый Жоржу Жаку Дантону или Пьеру Виктюрниену Верньо [Петрович, Самосонов, 2017, с. 33]. Будучи типичным фанатиком, «верующим» в коммунизм, Кирилл проходит через арест, лагерь, ссылку, что служит толчком к переходу в новую веру – христианство – и трансформации личности героя. В контексте анализа образа дома примечательны места, к которым прикрепляются члены этой ячейки общества: после свадьбы они селятся в доме, который описан в романе следующим образом: «...несколько его коридоров с оставшимися от прежних времен гостиничными зеркалами <...> принадлежали жилфонду ВЦСПС. Там, в бывших номерах, селились по ордеру партийцы средней руки» [Аксенов, 1999]. Гостиница (даже бывшая) – по определению временное жилье, собственно, вскоре после ареста мужа Цецилию выселяют из дома и она вынуждена переехать обратно к отцу, в коммунальную квартиру, образ которой неоднократно становился объектом исследования [Кувшинов, 2016]. Последующие места пребывания Кирилла способствуют формированию нового стержня его личности – смирения. Выморочное пространство покосившегося барака в Магадане, населенного такими же пораженными в правах гражданами, подчеркивает ошибочность целей, которые привели героя отнюдь не к коммунистической утопии. Жильцы барака неполноценны и в общечеловеческом смысле: «Откуда-то со странной монотонностью исходила угроза: “Откушу!” Мужской ли это был голос, женский ли, не понять» [Аксенов, 1999]. В соответствующих эпизодах выстраивается антитеза Магадан – Москва, где первый выступает в роли антипространства: «– Ну тут, как понимаешь, не Москва, – смущенно произнес Кирилл» [Аксенов, 1999]. Символично, что глава, где описан магаданский быт бывшего марксиста, называется «Московские сладости». Линия Кирилла сопряжена также с лагерной темой, жизнь в лагере – апофеоз государственного контроля, но именно здесь герой приходит к вере. Кроме того, приемный сын Цецилии и Кирилла Митя, ребенок раскулаченных родителей, достаточно большую часть жизни проводит в заключении, хотя имеет возможность сбежать. Несмотря на революционное и партийное прошлое, чета Градова и Розенблюм несет на себе отпечаток причастности к даче в Серебряном бору, что подчеркнуто деталью – фотокарточкой, привезенной Цецилией: «Затихает завальный барак <...>. Цецилия же извлекает большую фотографию девятнадцатилетней давности. На веранде в Серебряном Бору после их свадебного обеда. Все в сборе: Бо, и Мэри, и Пулков, и Агаша, и восьмилетний их кулачонок-волчонок Митя, и Нинка с Саввой, и четырехлетний Борька IV, и <...> комдив, и <...> Вероника...» [Аксенов, 1999].

Примечательно, что «кулачонка» Митю влечет к приемным родителям именно воспоминание о большом семейном доме, связанное с ними, в мечтах о будущей жизни он возвращается с возлюбленной в Серебряный бор, а умирать приходит под окна ставших родными людей и в предсмертный миг соединяется с семьей. Других детей у Кирилла не остается, его род прерывается, что знаково в контексте романа.

Выводы. Таким образом, даже несмотря на столкновение обитателей родового гнезда с советской реальностью (арест и возвращение профессора Градова, Вероники), в образе дома реализуются идеи стабильности, преемственности, сохранения исторической памяти, продолжения рода. Даче в Серебряном бору противопоставлены пространства квартир, комнат, которые в романе являются выморочными, необживаемыми, покидаемыми, как правило, навсегда, тотально контролируруемыми государством. Именно поэтому сохранение традиции, семьи, уклада возможно, по Аксенову, только в родовом доме, само существование которого реально лишь за пределами советской системы. Так, образ дома-дачи, сохраняя в себе некоторые черты дворянской усадьбы, становится стержневым в трилогии, а также подчеркивает рефлексивный характер романа, его жанровое своеобразие.

Библиографический список

1. Аксенов В.П. Московская сага. Трилогия. М.: Изограф, 1999. 704 с. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/aksenov1/index.html> (дата обращения: 13.05.2024).
2. Андреева В.Г. Усадебный мир в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологический класс. 2023. № 1. С. 85–96. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-08
3. Богданова О.А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: монография. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
4. Богданова О.А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 3. С. 10–29. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29
5. Дмитриева Е.Е. Литературные замки Европы и русский «усадебный текст» на изломе веков (1880–1930-е гг.). М.: ИМЛИ РАН, 2020. 768 с.
6. Кларк К. Сталинский миф о «Великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 83–93. URL: <https://voplit.ru/article/stalinskij-mif-o-velikoj-seme/> (дата обращения: 13.05.2024).
7. Ковтун Н.В. «Гений местности» без места: мифологический сюжет о домовом в современной прозе // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы: монография. Новосибирск: Гео, 2012. С. 166–176.
8. Ковтун Н.В. Дом-домовина в поздней прозе В. Распутина. Рассказы 1990-х годов // Русская литература XX века: Философия и игра. Литературные направления и течения в русской литературе XX века: сб. ст. СПб., 2007. Вып. 7. С. 16–29.

9. Ковтун Н.В. Иконическая христианская традиция в «Матренином дворе» А. Солженицына и «Избе» В. Распутина: проблема авторского диалога // Филологический класс. 2013. № 3 (33). С. 17–25.
10. Ковтун Н.В. «Матренин двор» и его корреляты в современной русской прозе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 1. С. 92–103. DOI: 10.20339/PhS.1-19.092
11. Кувшинов Ф.В. Квартирный вопрос в русской литературе 1920–1930-х годов и категория исторического времени // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 93–101.
12. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 2: 1968–1990. 688 с.
13. Никольский Е.В. Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 29–34. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1644/nikolsky2012_1.pdf (дата обращения: 22.04.2024).
14. Петрович В.Г., Самсонов С.И. Революция пожирает своих детей, или Магический круг чередования революций и реакций (на примере Саратовского Поволжья) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 6. С. 33–41.
15. Скороходов М.В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с.
16. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 479 с.

Сведения об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>; e-mail: zagi9@rambler.ru

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-2-71-80

THE IMAGE OF THE HOUSE IN V. AKSENOV'S TRILOGY THE MOSCOW SAGA

T.A. Zagidulina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The rejection of socialist ideology in the crucial 1990s for Russia contributed to the value reorientation of society, which was reflected in the work of the authors of this period. The turn towards the pre-revolutionary literary tradition, the search for axiological constants there, which had been outlined earlier in Soviet literature, led to the actualization of traditional images, in particular, the image of a house, directly related to the motives of continuity, preservation of historical memory, and family.

The purpose of the article is to analyze the representation of the image of the house in V. Aksenov's reflective novel *The Moscow Saga*.

A review of the scientific literature on the problem. The works of N.V. Kovtun, O.A. Bogdanova, V.G. Andreeva, M.V. Skorokhodova, E.E. Dmitrieva are devoted to understanding the image of a house, a noble manor, a peasant dwelling. The research examines the typological features of various toposes united by a common function.

Methodology. The structural and typological method, the method of descriptive poetics, and mythopoetic analysis are used.

Research results. The article analyzes the central locus of the trilogy – the dacha of the Gradov family in Serebryany Bor. During the analysis, typological similarities with the topos of the noble estate were revealed, which emphasizes the genre originality of the novel – family chronicle. However, the spaces of a country house and a noble estate are not equivalent, having different purposes, they have a common feature – only there, continuity, procreation, family business, and traditions are possible. In addition, in the novel, the image of a country house is contrasted with images of an apartment /room marked as temporary, unstable, and not of the future.

Conclusions. In the image of Gradovs' cottage, the ideas of stability, continuity, preservation of historical memory, and procreation are realized. According to V. Aksenov, the preservation of the family and way of life is possible only in the family nest, the very existence of which contradicts Soviet ideology. Thus, the cottage becomes the core image of the family chronicle and emphasizes the reflexive nature of the novel, becoming a symbol of a new, different from the socialist realist, system of moral coordinates.

Keywords: *image of a house, topos of a noble manor, image of a cottage, family chronicle, V. Aksenov, post-Soviet literature.*

References

1. Aksenov V.P. *The Moscow Saga*. Moscow: Izograf, 1999. 704 p. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/aksenov1/index.html> (access date: 13.05.2024).
2. Andreeva V.G. Estate Life in Pasternak's Novel "Doctor Zhivago". In: *Philological Class*. 2023. No. 1. P. 85–96. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-08
3. Bogdanova O.A. Formation of a research thesaurus in the study of the phenomenon of giving in Russian literature of the XIX–XXI centuries. In: *Studia Litterarum*. 2022. Vol. 7, No. 3. P. 10–29. DOI: 10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29

4. Bogdanova O.A. Manor and cottage in Russian literature of the XIX–XXI centuries: topic, dynamics, mythology. Moscow: IMLI RAS, 2019. 288 p.
5. Clark K. The Stalinist myth of the “Great Family”. In: Questions of literature. 1992. No. 1. P. 83–93. URL: <https://voplit.ru/article/stalinskij-mif-o-velikoj-seme/> (access date: 13.05.2024).
6. Dmitrieva E.E. Literary castles of Europe and the Russian “manor text” at the turn of the century (1880–1930). Moscow: IMLI RAS, 2020. 768 p.
7. Foucault M. To supervise and punish. The birth of a prison. Moscow: Ad Marginem, 1999. 479 p.
8. Kovtun N.V. “Matrenin's Yard” and its correlates in modern Russian prose. In: Philological Sciences. Scientific reports of the higher school. 2019. No. 1. P. 92–103. DOI: 10.20339/PhS.1-19.092
9. Kovtun N. “The genius of the area” without a place: the mythological plot of a brownie in modern prose. In: Plot-motive complexes of Russian literature: monograph. Novosibirsk: Geo, 2012. P. 166–176.
10. Kovtun N.V. Dom-domovina in the late prose of V. Rasputin. Stories of the 1990s. In: Russian literature of the twentieth century: Philosophy and the Game. Literary trends and trends in Russian literature of the twentieth century: Collection of articles. St. Petersburg, 2007. Is.7. P. 16–29.
11. Kovtun N.V. The iconic Christian tradition in A. Solzhenitsyn's Matryona Dvor and V. Rasputin's Izba: the problem of the author's dialogue. In: Philological Class. 2013. No. 3 (33). P. 17–25.
12. Kuvshinov F.V. The housing issue in Russian literature of the 1920s-1930s and the category of historical time. In: Siberian Philological Journal. 2016. No. 4. P. 93–101.
13. Leiderman N.L., Lipovetsky M.N. Modern Russian literature: 1950–1990s: Textbook for students. higher. studies. institutions: In 2 vol. Moscow: Academy, 2003. Vol. 2: 1968–1990. 688 p.
14. Nikolsky E.V. The genre of the novel of family chronicles in Russian literature of the turn of the millennium. In: Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History. 2011. No. 1. P. 29–34. URL: http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.1/1644/nikolsky2012_1.pdf (access date: 13.01.2024).
15. Petrovich V.G., Samsonov S.I. Revolution devours its children, or the Magic circle of alternating revolutions and reactions (on the example of the Saratov Volga region). In: Historical and socio-educational thought. 2017. No. 6. P. 33–41.
16. Skorokhodov M.V. The landowner's estate in Russian literature of the late XIX – first third of the XX century: an interdisciplinary approach. Moscow: IMLI RAS, 2020. 272 p.

About the author

Zagidulina, Tatyana Andreevna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Theory and Methods of Primary Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky (St. Petersburg, Russia); ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>; e-mail: zagi9@rambler.ru